
Содержание

Проза

Андрей Блатник
Влажные стены 11

Урош Калчич
Духи 15

Майя Новак
Кошачья чума 33

Руди Шелиго
Все к лучшему 59

Лойзе Ковачич
История про двухголового сына 89

Драго Янчар
Взгляд ангела 95

Поэзия

Каetan Кович
Твой незнакомец 105

Сон. инструкция 106

Страна нерождённых 108

В баре, куда я хаживал... 109

<i>Томаж Шаламун</i>	
Читать. Любить.	110
Межа	111
Морские разбойники	112
Воздух	113
Пастрмке!	115
<i>Урош Зупан</i>	
Река	116
Язык	118
Полдень в Бреде	120
<i>Вено Тауфер</i>	
Воск	122
благодарю за острое, обоюдоострое	123
листают море вал за валом	124
ты из стиха – о божий крик –	125
То вода унесла	126
По стене	127
Из цикла “печальная часть весёлого венка”	128
<i>Светлана Макарович</i>	
Подсолнухи	130
Считалка	131
Свадьба	132
Игла	133
<i>Тоне Павчек</i>	
Шаг в небо	135
Любовь	136
Замедление	137
Конец песни	138
Тёмная заря	139
Река теменица	140
<i>Алеш Дебеляк</i>	
Метаморфоза травы	141
Плоды прощения	143

Путешествие в Нью-Йорк	144
Границы Языка	145
Картины на стене	146
Боснийская элегия	147

Борис А. Новак

Прошлое и будущее	148
Весна	149
Изгнание	151
Письмо	152
Башня из слоновой кости	153
К юго-востоку от памяти	154

Дане Зайц

Готические окна	155
Скорпионы	156
Ворон	157
Тот же	159
Тихий шуршун	160

Тоне Кунтнер

Сначала ты – семечко	161
Ты ворошила сено	162
Чей это дом?	163
Нашёл	164
Просто любовь	165

Марко Кравос

Картошина в сердце	167
Много всего	168
Мой постоянный адрес	169
Ветер, голоса	170

Драма

Душан Йованович

Стена, озеро	173
--------------	-----

Драго Янчар

Большой блестящий вальс

183

Эвальд Флисар

Завтра будет лучше

199

Сведения об авторах

217

Проза

*Андрей Блатник
Урош Калчич
Майя Новак
Руди Шелиго
Лойзе Ковачич
Драго Янчар*

Влажные стены

Андрей Блатник

В моей комнате, говорю я. В моей постели. Так не пойдёт. Шум воды прекратился.

Дай мне, пожалуйста, полотенце, говорит она. Мы же не можем так разговаривать: я голая, а ты в сером твиде.

Я хочу сказать: ну, пожалуйста! Я хочу сказать: ну послушай же, что я тебе скажу! Не говорю, бормочу: полотенце? Вижу, как скользит ручеёк по её груди, капелька истончается, пропадает. Думаю: капнет ещё?

Да, полотенце. За тобой. Повернись. То, то розовое.

Сглатываю. Розовое как верхушечки её груди. Ощущаю рукой мягкое, отпускаю.

Её плечи выглядывают из-за хлопковой преграды. О чём ты хотел поговорить?

В моей комнате, говорю я. В моей постели.

Так не пойдёт, думаю я. Так я уже начинал, а потом она попросила полотенце. Надо как-то по-другому, по-другому.

Вижу на кафеле змейки ручейков. Капилляры. Чувствую, как в висках, на лбу, на шее бьется пульс. Я знаю, надо что-то делать. Я знаю: надо сказать.

Пожалуйста, говорю я, почему же ты не вытираешься, когда выходишь из ванной? Зачем тебе вообще полотенце?

Мой голос решителен и самоуверен. Ричард Бартон, играющий Тита.

Смотрю на неё: и ей тоже так кажется?

Она смотрит на меня. Я жду: что она скажет? Как будет оправдываться?

Полотенце? Говорит. Оно падает к её ногам.

Я знаю: я потею. Если она это заметит – мне конец.

Никогда не увиливай, говорю я. Стараюсь не смотреть в сторону.

Ты сама знаешь, говорю. В моей комнате. В моей постели. Ах, говорит, это! Это Дональд.

Дональд? Спрашиваю.

Да, Дональд.

Но, что он там делает? Абсолютно голый. Курит сигару. Импортную. Пепел стряхивает на постельное бельё.

Она смотрит на меня. А я жду, что она скажет? Будет как-нибудь оправдываться?

Вчера за ужином, говорит она, я тебе читала газету, но ты не слушал. Я тебе читала. Об американских исследованиях. О женщинах моего возраста. На Западе каждая преуспевающая женщина моих лет имеет постоянную связь с двумя мужчинами.

Ты мне читала? Спрашиваю.

За ужином. Не помнишь? Сосиски с сыром.

Ну да,... говорю, но... и замолкаю.

Я тебя слушаю, говорит она.

Но ведь он же негр.

А мы не в Претории, говорит она.

Но мы же и не на Западе, отвечаю я.

Разве? Спрашивает она.

Я понимаю, что так мы зайдём далеко. Я же не хотел об этом говорить.

Он, говорю, зачем здесь?

Из-за меня, отвечает она. Для проверки американских исследований.

Вижу, как её ступни исчезают в розовом валике полотенца.

Подними полотенце, говорю я.

Сам подними.

Сглатываю комок. Для проверки американских исследований? Спрашиваю я.

Да, знаешь, ну этих, о преуспевающей женщине.

Сглатываю комок.

И ты... Он?

Кивает. Не принимай на свой счет, говорит она.

Знаешь, я просто должна была найти ещё одного. Ну ты, понимаешь. Против тебя я ничего не имею. Это просто математика.

Какая же это математика, возражаю я, если он в моей комнате, в моей постели курит заграничные сигары?

Математика. Ты плюс он, равняется двум. Вот и всё...

Ты хочешь сказать... Постоянная связь? Преуспевающая женщина?

Ну, конечно. Я же знала, что ты поймёшь. Ничего особенного.

Я наклоняюсь. И она тоже наклоняется. Поднимает поло-

тенце. Ну думаю, теперь-то она хоть прикроется. И тогда можно будет сказать, чего она заслуживает.

Тогда я смогу.

Не прикрывается.

Провожу рукой по кафелю. Влажно.

И как долго это продолжается? Спрашиваю.

С сегодняшнего дня, отвечает она. Складывает полотенце и кладёт его на полку над раковиной.

С сегодняшнего дня, думаю я, она преуспевающая женщина, имеющая постоянную связь с двумя мужчинами. А полотенце складывает влажным. Чудесно, чудесно.

Ты оденешься? Спрашиваю я.

Она смотрит на меня.

А ты не разденешься? Отвечает она.

Я смотрю на неё.

Но, продолжаю я допрос, как же Дональд?

Дональд подождёт, отвечает. Он ведь один из двух. Должен учиться ждать. Научиться терпению.

Да, говорю, должен учиться.

Ну, говорит она, а чего ждёшь ты?

Да, шепчу я, чего же я жду?

Она стоит передо мной. Я отвожу взгляд. Вижу зеркало. Моё лицо в испарине.

Подожди, говорю я, я не могу. Он в моей комнате. В моей постели... Он нас услышит.

Пусть слышит, говорит она. Пусть знает, кто хозяин.

Я отступаю к стене, совсем вплотную. Я прижат к ней. Чувствую, как промокает пиджак, как влага бежит по позвоночнику.

Стены влажные, говорю я. Нам бы надо...

Да, влажные, говорит она.

Я замолкаю.

Она говорит: раздевайся. Нельзя же так: я голая, а ты в сером твиде.

Итак, по мне с журчанием бегут струйки воды, а в моей комнате, в моей постели негр Дональд курит сигару. Я здесь в ловушке между влажных стен, говорю я себе. Это будет длиться, пока мы беседуем. Как только замолчим, все закончится. У меня есть выбор. Выбор – это важно. Стало быть? Стало быть.

Переводчик: Н.Старикова

Духи

Урош Калчич

26 апреля 19... г.

Уважаемый господин W.,

Пишу Вам по поводу сапог, о которых уже неоднократно наводил справки в Вашей фирме – последний раз не далее как месяц назад. За это время я разослал свои запросы еще по нескольким адресам и теперь с удовольствием сообщаю, что остановил свой выбор именно на Вашей мануфактуре, хотя, к примеру, итальянский товар значительно дешевле. Я принял такое решение отчасти ввиду Вашей безупречной репутации, но более того – принимая во внимание Ваши незамедлительные, исчерпывающие и, главное, – терпеливые ответы, каковые являются свидетельством не только образцовой постановки дела, но и высокой культуры, и личного раядения. Ваши любезные (и сверхостроумные) письма убедили меня в том, что Вы ставите во главу угла труд и лишь потом думаете о прибыли (которой, как это ни прискорбно, нельзя пренебречь). Иначе говоря, Ваша любовь к делу, которому Вы служите, – это Ваш добрый дух! Не взыщите, но я потрясен, каким вдохновением проникнуты Ваши ответы – это нечто необыкновенное, особенно если принять во внимание предмет сей переписки, который, Вы уж меня простите, столь мало духовен. Должен сказать, что Ваши письма уже сами по себе шедевр. А Ваш талант юмориста – да я просто преклоняюсь! Даже если отмести все прочие соображения – Вас следовало отличить уже за Ваше недюжинное чувство юмора (признаюсь, я тоже считаю, что без доброй шутки и сапог толком не скроишь). Так вот, дух, культура, остроумие – все это имеет для меня решающее значение, это как гарантия, поручительство в том, что мои сапоги «будут достойны нежных ручек, которым доведется их снимать», как Вами тонко подмечено (примите же комплимент и от моей супруги!). Что касается цвета – условимся так: кармин

окончательно отвергается, выберу-ка я «сиенский красный» (каталоговый номер 07). Двухдюймовые каблуки, похоже, будут и в самом деле, как Вы выразились, «простить», поэтому соглашаюсь на полтора дюйма. Кожа и все остальное – как договорились. Срок поставки меня абсолютно устраивает. Я Вам уже сообщал и повторяюсь еще, ведь это чрезвычайно важно: Торжественная Ассамблея состоится 24 октября, значит, я должен получить мои сапоги как минимум за месяц (то есть, до конца сентября), чтобы успеть их несколько разносить. Если же это будет за два месяца, как Вы уверяете, – тем лучше! К данному письму прилагаю вексель на указанную Вами сумму и картонный шаблон моей правой ступни.

Всего хорошего,
желаю Вам личного счастья
и успехов в деле –
Ваш ...

P.S. Понимаю и разделяю Ваши чувства, когда, по Вашему сравнению, отпуская «в люди» очередную пару сапог, Вы словно прощаетесь «с любимым сыном, покидающим отчий дом». Пусть утешением Вам будет, уважаемый г-н W., что я Вашего «сыночка» не обижу и, может статься, мы с «ним» еще нагрянем к Вам, если судьба забросит меня в Цюрих (смотрите-ка, я тоже обнаруживаю некоторую склонность к юмору!).

12 мая 19... г.

Уважаемый господин,

Получил Ваше драгоценное послание, в котором Вы подтверждаете, что мое письмо прочли. Не смею даже предполагать, чем обязан столь пространному и теплому ответу и той признательности, которой Вы достаиваете мои взгляды – самые что ни на есть обыкновенные взгляды и не более! Я рад, что мы сходимся в том, что касается духа, и полностью согласен с Вами, что этот последний в наши дни «находит прибежище лишь в родных благословенных уголках». Порадовало меня и то, что Вас развеселила моя шутка насчет «сына» – знали бы Вы, как хохотали мы с

супругой, читая Ваш каламбур про колодки! Ха-ха-ха! Мне, право, все чаще кажется, что Вы ошиблись профессией – быть бы Вам писателем! Не думайте, это не лесть, Ваш талант очевиден! Я, например, всю свою жизнь хотел стать литератором, но у меня так ничего и не вышло (я всего лишь скромный служащий, протирающий локти в присутственных местах), – и эта пресловутая Ассамблея, о коей Вы меня расспрашиваете, – всего лишь жалкий дележ бумажных цедуллек, которыми тешит себя чиновничество, а Вы, с Вашими данными, с Вашим талантом – Вы отмахнулись от всего и с головой зарылись в кожи. Вот в этом-то и проявляется сила духа! Как и у вас, в наших краях весна уже в разгаре, и подумать только – как раз в эту минуту, когда я пишу эти строчки и поглядываю в окно на цветущую вишню, где-то там, далеко, за высокими горами, в чужедальней стране, в мастерской, затерявшейся среди узких улочек старой части города, которого я никогда не видел своими глазами и вряд ли в своей жизни увижу, – сидит человек и тачает сапоги – сапоги, носить которые буду я... Тачает сейчас, *сей час*... В-общем, это даже трудно высказать – это то, что убеждает нас в существовании невидимых нам предметов и людей, внезапное озарение относительно существования *мира* в целом – что в виде знания присутствует в нас всегда, а вот как непосредственное осознание случается исключительно редко! Да у меня мурашки бегут по коже при мысли, что в этом *здесь и сейчас* присутствует все! Видите, как я тут расписался! Но к этому понуждаете меня Вы своими оригинальными идеями. Что же касается подметок, то: картонный шаблон моей правой ступни, который я Вам выслал, вполне соизмерим и с моей левой ступней. Его надо только перевернуть – и у Вас будет левая подошва, видите, как все просто! Я и сам, впрочем, слышал, что у некоторых людей правые и левые детали странным образом не совпадают – хотя человек-то один и тот же – и, признаюсь, дал маху, не предоставив исчерпывающих пояснений в моем предыдущем письме. (Кстати, ступни и все остальное, как-то: объем икр и прочее я измерял в вечернее время, после средней дневной нагрузки.) Надеюсь, что своим недомыслием не причинил Вам слишком больших неудобств и не очень затянул начала работы. Смягчающим обстоятельством мне может служить

то, что я в первый раз заказываю себе сапоги за границей – и, учитывая их стоимость, вероятно также и в последний (ха-ха!).

Сердечный привет Вам
и Вашей уважаемой фирме
Ваш...

3 июня 19... г.

Уважаемый,

Огромное спасибо за проникновенное письмо, которое я получил только сегодня утром (честь и хвала нашей почте и ее непоколебимой вере в мое крепкое здоровье, которую она демонстрирует своей неспешностью). Я чрезвычайно рад, что сапоги уже в работе. Благодарю и за “поздравление” по случаю равновеликости моих ступней – я действительно польщен, что принадлежу к немногочисленной человеческой элите с симметричными конечностями. К сожалению, я не знаток собственной родословной, но все же сомневаюсь, что на основании формы моих подошв мог бы приписать себе, как Вы меня к этому великодушно поощряете, происхождение непосредственно от бурбонских рыцарей! Зато считаю, что мне оказана большая честь уже тем, что, по Вашему признанию, Вас глубоко взволновала моя мысль об одновременном существовании *всего*! Вы совершенно правы, когда, давая этой идее дальнейшее развитие, столь образно говорите о том, что в этом есть нечто от Бога, “аромат утраченного райского сада” (я вижу, Вы не только литератор, нет, – в Вас живет философ!). Только, по-моему, в Ваших устах слишком смело звучит утверждение о том, что и мы с Вами существуем постольку, поскольку живо наше осознание существования *всего* – хотя, с другой стороны, понимаю Ваши чувства, когда Вы “шьете сапоги для людей, которых нет,” и полностью их разделяю. Думаю, здесь можно говорить о различных уровнях бытия, и, хотя мы, как это у Вас прозвучало, существуем “от случая к случаю” и “словно во сне” (это Ваши слова!), – тем не менее мы есть, мы существуем. Позволю себе, наконец, такую шутку: именно мои сапоги суть тот

Божественный гарант, который делает реальным наше с Вами существование, то есть, иначе говоря, мы присутствуем одновременно во всем, независимо, присутствует ли в нас с Вами эта одновременность всего, и наш с Вами “сон” является частицей вечно воспаленного Божественного сознания. Это все равно как мы смотримся в зеркало, а оно отражается в нас. Безусловно принимаю на веру также и то, что цена кожи на мировом рынке за последний месяц резко подскочила, и поэтому Вам придется, повинувшись обстоятельствам, поднять и цену на сапоги. Посему не извиняйтесь: я сам виноват, что так долго тянул с переводом. Я никогда не любил торговаться – это чуждо моей натуре, поэтому с удовольствием отсылаю Вам еще полторы сотни, тем более что, как Вы утверждаете, мне и так уже сделана определенная скидка, с учетом того, что “неофициально” я могу считаться Вашим заказчиком еще с тех пор, когда кожи были дешевле. Что же касается дополнительной десятипроцентной скидки, которую Вы готовы мне предоставить, если я найду Вам еще пару новых клиентов, то, к сожалению, вынужден Вас разочаровать: в данный момент у меня никого нет на примете. Сейчас, как Вам известно, на нашей стороне Альп наступили не самые благоприятные времена, да я и сам не позволил бы себе таких издержек, если бы не уже известная Вам Ассамблея (и некое причитающееся мне награждение). Но все-таки при первом же случае непременно порекомендую Вас всем и каждому, и даже без этих Ваших десяти процентов. Единственное, что меня смутило, – так это Ваша фраза насчет “гарантированной окончательной цены”. Доселе я предполагал, что окончательная цена уже гарантирована 70%-ным авансом (который я полностью перечислил Вам сегодняшним переводом). Если же это не так, прошу сообщить незамедлительно.

Сердечный привет
и наилучшие пожелания всем.
Ваш...

Почтеннейший,

Спасибо Вам за Ваше любезное и обширное письменное разъяснение, с которым я только что ознакомился. Думаю, наилучшим выходом будет уже сейчас избавить себя от риска “вероятных колебаний в области текущих материальных и прочих расходов” и, выплатив остаток, обеспечить себе товар по его нынешней цене. Поэтому посылаю Вам остальные 30%, а уж мы-то здесь месяц-два (скорее два!) как-нибудь перебьемся пустыми щами, ха-ха! “Почести”, о коих Вы меня спрашиваете (и с чем уже поздравляете!), не стоят того, чтобы говорить о них всерьез, да и все еще вилами по воде писано (если не ошибаюсь, я уже упоминал, что это просто бумажка; человек – он ведь по природе существо одинокое и робкое, вот мы, чиновники, и стараемся друг дружку потешить и взбодрить чем только можно). У нас тоже лето в разгаре, мы тут намерили тропических 34°C, ужасная духота, и Вы попали в точку, предположив, что сама мысль о сапогах в данный момент представляется мне странной и смешной. Если дать себе труда подумать – есть что-то злое и даже бесстыдное в той неотвратимости, с которой сейчас где-то далеко отсюда для меня выкраивают голенища (сие мне пришло в голову ночью, когда я мучился от жары и не мог заснуть). Это как напоминание об осени – а ведь она придет, непременно придет и запихнет мои ноги в сапоги! Хорошо хоть Вы не гробовщик. Ха! Видите, какую мороку задаем себе мы, жалкие “едва существующие на самом деле” существа, ха-ха!

Ну, шутки в сторону! Я чрезвычайно рад, что конец дела уже близок, и я через месяц получу посылку с цюрихским штемпелем! Собственно, рад лишь посылке, а тому, что дело близится к концу, – не то чтобы очень: эта маленькая переписка с Вами доставила мне огромное удовольствие, и, Вы не поверите, но это правда, – стала для меня даже источником вдохновения! “Виноваты” в этом, конечно, Вы и Ваши тонкие намеки. Хотя слово “вдохновение” здесь, быть может, слишком сильное, но это факт – у меня сочинилась самая настоящая фантастическая феерия в стихах, где Вы – на центральном месте, кто бы мог подумать! Это – тема демонического мастера, который изготавливает сапоги “для

людей, которых нет”, а потом эти самые сапоги бродят по белу свету и отчаянно что-то ищут, блуждая среди теней и призраков ног... Однако это еще не проработано, сочинение пока что существует лишь в замысле. Оно видится мне в форме баллады, которая будет начинаться примерно так:

*В турецких мрачных Альпах, на седалище треноги
Сидит у верстака сапожник нелюдимый.
Сучит он дратву, он дырявит кожу шилом –
Тачает сапоги на призрачные ноги.
Читатель, спросишь ты – ужели это правда?
Об этом пусть тебе поведает баллада.
Однажды в ночь пришел к нему с заказом
Чиновник молодой...*

Ну, и далее в том же духе. Посмотрим, что выйдет.
Привет и самые добрые пожелания
от Вашего верного заказчика...

P.S. Перечел письмо: эта фраза о “взбадривании” друг дружки, наверное, может показаться снисходительной или даже высокомерной, что вовсе не так. Я превозношу человека и крепко в него верю. Я считаю, что отдельно взятый человек перед лицом Всевышнего – ноль без палочки и что он обретает свою ценность лишь во взаимодействии с другими людьми. Может, это несколько *demode*, ну и что же, так мне подсказывает сердце, и я был бы не прав, если бы своими неуклюжими домыслами сеял зерна сомнения в ближних. Еще раз – привет!

10 августа 19... г.

Дражайший,

Меня глубоко потрясло скорбное известие о смерти Вашего подмастерья. Представляю себе, какая это невосполнимая утрата и как нелегко будет найти подходящую замену, особенно в наше время, когда молодежь охотнее становится к станкам или турбинам, нежели к сапожным болванкам. Конечно же, я с пониманием отнесся к Вашему предупреждению о том, что срок поставки сапог “соответственно откладывается на некоторое время”, и если, как Вы считаете,

это выльется в две недели отсрочки, то не извольте беспокоиться. Ассамблея еще только 24 октября, и коль скоро до 10 сентября сапоги поспеют, все будет в ажуре. Поэтому не вижу резона высылать их экспресс-почтой, как Вы любезно предлагаете, – разница по времени составит всего несколько дней, в деньгах же (по крайней мере, сообразно моим понятиям) – окажется непомерно велика, а для меня это более чем ощутимо в моем нынешнем положении, когда все мое имущество заложено. Так что давайте остановимся на обычном почтовом отправлении, и не переживайте из-за этой задержки, которая, ввиду печальных обстоятельств, абсолютно неизбежна.

Выражаю соболезнование
и желаю в дальнейшем
всего наилучшего –
Ваш ...

P.S. Огромное спасибо за понимание, которое Вы обнаружили, отзываясь о моем сочинении (хотя Ваша оценка моих виршей решительно завышена!). К сожалению, вещь лежит сейчас в ящике стола, я завален делами (из-за этих роковых сапог набрал столько сверхурочной работы, что света белого не вижу). Но, как бы там ни было, почту за честь послать Вам экземплярчик, когда (если) она будет завершена. И все же: не ждите от меня слишком многого – я ведь просто любитель!

13 сентября 19... г.

Друг мой,

Простите мне мое нетерпение, но близится 15 сентября и можете себе представить, что я уже чувствую себя как на иголках, стоит мне посмотреть на календарь: до сей поры мои сапоги все еще не перешагнули порога моего дома. Поверьте, я ни за что не стал бы приставать к Вам с моими расследованиями, если бы не предполагал возможности того, что посылка застряла где-то в пути – то ли на почте, то ли на таможне. Я даже не допускаю и мысли, что причина этого запоздания кроется в чем-то другом, то есть в Вас, ведь Вы обещали держать меня в курсе дела, особенно если по какой-либо причине процесс затянется. Ставлю Вас в известность,

что с 8 августа я не получил от Вас ни одного письма! Так или иначе, буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы *экспресс-почтой* сообщите мне, в чем дело. На случай, если работа над сапогами по какой-либо причине застопорилась, а Ваше известие о том до меня не дошло, посылаю Вам еще 100 франков – стоимость срочного отправления! И при всем при том умоляю, ответьте *как можно скорее!*

С сердечнейшим приветом – Ваш ...

P.S. Если же Вы посылку уже отправили или как раз собираетесь на почту, то можете не утруждать себя письмом. Надеюсь, что проблему с подмастерьем Вы уже счастливо решили! И еще: один мой знакомый подумывает о новых сапогах. Отгадайте, кого я собираюсь ему присоветовать!

27 сентября 19... г.

Бесценный,

Две недели назад я Вам писал, но от Вас до сих пор нет ответа. Так как я опасаюсь, что с почтой творится что-то неладное, посылаю Вам еще одно письмо, теперь уже *заказное*. Дело в том, что сентябрь уж на исходе, и, верите ли, я чувствую себя как на иголках, стоит мне посмотреть на календарь: ведь до сей поры мои сапоги все еще не перешагнули порога моего дома. Я ни за что не стал бы приставать к Вам с моими расследованиями, если бы не предполагал возможности того, что посылка застряла где-то в пути – то ли на почте, то ли на таможне. Во всяком случае, в наших конторах ее нет – уж это я выяснял лично! Учитывая Ваши всегда незамедлительные ответы и то, что «все письменные запросы из-за рубежа подлежат ответу в течение 12 часов», как значится в Вашем проспекте, я и подумать не могу о каких-то других причинах. Знайте же, что с 8 августа я не получил от Вас ни единого письма! Так или иначе, буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы *экспресс-почтой* сообщите мне, в чем дело. Прилагаю к этому письму вексель на 100 франков, на тот случай, если по какой-либо причине товар еще не послан – отправьте тогда его срочной или экспресс-почтой! Если же товар уже в пути (как я и предполагаю), то на означенную сумму при-

плите мне кремов и чистящих средств, которые Вы рекомендовали мне в самом начале: я тут поразузнал – оказывается, здешние мази совершенно негодные и страшно воняют! Надеюсь на Ваш скорейший ответ и решение вопроса к нашему обоюдному удовольствию.

Ваш покорный слуга...

P.S.: Не в моих правилах стелиться к чужим ногам и выворачивать душу наизнанку, но хочу, чтобы Вы осознали – если я не получу своих сапог вовремя, то для меня это обернется социальной катастрофой. Может, это звучит несколько выпендренно, но мое положение чрезвычайно уязвимо, я еще никогда так пронзительно не ощущал – если вернуться к нашей с Вами общей теме – что я действительно существую; но это мое бытие для меня теперь является источником массы неприятных ощущений, причиняемых мне выражением лиц моих знакомых: все вокруг широко осведомлены о наших сапожных делах (жена, конечно, успела повсюду растрепать языком), и теперь я явственно слышу, как за моей спиной шушукаются все кому не лень или даже смеются мне прямо в лицо, что там, мол, с твоими новыми сапогами, ну, и тому подобное. Я, разумеется, на такие вещи не обращаю внимания, но изнутри меня гложет панический страх: а что, если и в самом деле случится так, что я *не* получу своих сапог вовремя? Это «не», понимаете ли, теперь не дает мне покоя, порождает во мне самый настоящий ужас, я уже три ночи не сплю из-за этого «не»! Мне даже снилось: стою я босиком на паркете посреди зала, а эти рожи вокруг вовсю хохочут! Конечно, все это граничит с безумием, но... что в нашей жизни не на грани безумия? – уж в этом-то Вы наверняка со мной согласитесь. Таким образом, прошу Вас принять во внимание и этот «лирический» момент и постараться сделать все от Вас зависящее, чтобы дело окончательно уладилось.

10 октября 19... г.

Любезный,

Да что же это происходит с Вашей фирмой? Не так давно я послал Вам два письма – одно простое, другое заказное, а

ответа нет как нет! В том, что Вы реально существуете и даже по прежнему адресу, я удостоверился из объявлений, помещенных в свежих журналах (между прочим – весьма горжусь тем, что в качестве рекламного лозунга Вы использовали мою идею, а именно: «Ношу сапоги от W. – значит, существую! С чего бы тогда столь затяжное молчание? Поймите наконец, что уже 10 октября, и день 24 октября, на который назначена Торжественная Ассамблея, неотвратимо надвигается. Вы же сами советовали мне, чтобы сапоги несколько смягчились и сели по ноге, их слегка разносить, и мне действительно не хотелось бы появиться на Ассамблее в скрипучей и навязчиво блестящей новехонькой обуви; это и в самом деле припахивает деревенщиной. Однако, судя по тому как обстоят дела, именно такая судьба мне как раз уготована! К тому же я теперь затрудняюсь, что и ответить моему приятелю, который также помышляет о новых сапогах: вряд ли я смогу рекомендовать кому-то фирму, от которой я и сам еще ничего не получил, кроме обнадеживающей корреспонденции – да и та вдруг иссякла! Мне хочется надеяться, что Вы уяснили себе, что столь дорогостоящей обуви я бы при “нормальных” обстоятельствах не завел ни в коем случае, и одна лишь Торжественная Ассамблея причиной тому, что я совершил это “отступление в сторону”. Поэтому можете себе вообразить, каковы будут последствия, если сапоги не окажутся здесь до 24 числа с.м. Весь Ваш труд (и значительная часть моего состояния, между прочим) будет пущен псу под хвост! Это письмо я также отсылаю срочной, “экспрессно-заказной” почтой! До Вас оно доберется максимум через четыре дня! Еще раз взываю к Вам – приложите *все* Ваши усилия к тому, чтобы дело закончилось, как положено. Я целыми днями торчу на почте и всем тут уже порядком надоел. Я все еще склонен объяснять происходящее не иначе как досадным недоразумением или действием каких-то «обстоятельств непреодолимой силы».

В ожидании Вашего немедленного
ответа либо посылки
Ваш...

P.S. Быть может, Вы уже думаете, что растеряли в моих глазах весь свой авторитет и полностью лишились моего

доверия? Жестоко ошибаетесь! Я по-прежнему готов отдать должное доброй воле, отнестись с пониманием к некоторым слабостям и до последнего намерен проповедовать веру в человека. И именно к этой вере, к этому моему старомодному недостатку я хочу вновь привлечь Ваше внимание: да, я все еще верю в людей, несмотря ни на что, и – можете смеяться сколько угодно – но пуще опасения, что я никогда не увижу своих сапог, я боюсь того, что эта моя вера в человека пошатнется. Не верите? А вот представьте – я умоляю Вас не столько ради себя, сколько ради Вас же самих – пусть это дело утрясется достойным образом; ради Вас – потому, что иначе на Вас обрушится страшное бремя вины, тяжкой вины. Я *должен* Вас об этом предупредить! Ибо лишить человека веры столь же преступно, сколь лишить его жизни – если не горее того! Почему мы считаем, что воровство – это грех? Неужели из-за жалких украденных грошей? Или из-за нашей страсти к порядку? Увольте! Что, если с каждой похищенной монетой мы крадем у своих ближних веру в человека, тем самым раздирая ту тончайшую сеть, что обволакивает всех людей вместе взятых, сеть, при помощи которой Удильщик, когда пробьет урочный Час, повлечет Человечество в свой Ковчег. И я убежден: спасутся единственно те, кто останется в ее ячеях, прорвавших же эту сеть и устремившихся, куда им заблагорассудится, ждет неминуемая гибель!

Ну и разошелся же я! Ладно уж. Вы можете посчитать, что я несколько чудаковат. Ну и пусть. И если Вы надо всем этим лишь смеетесь, то знайте: душа Ваша в этот самый миг рыдает. Вы не слышите плача – его заглушает смех; но рано или поздно эти слезы вынесут Вам приговор. Простите, если я к Вам несправедлив. Я хочу себе и Вам только добра.

20 октября 19... г.

Милейший,

Теперь уж почти не может быть сомнения, что Вы по необъяснимой причине *не хотите* мне написать! В этом я только что имел возможность убедиться: дело в том, что

тот самый Борис Волк из Пирана, которому Вы соизволили на его запрос ответить в обычной для Вас многословной манере и с приложением бесчисленных роскошных проспектов, – это мой хороший друг, который и думать не думает о Ваших сапогах, а всего-навсего оказал мне услугу, одолжив мне на время свою фамилию и адрес! Теперь-то уж я близок к догадке относительно того, что в нашей сделке не все чисто! (и еще: даже и не знаю, чем объяснить тот факт, что цена, которую Вы обещаете вышеупомянутому Б. Волку, на треть ниже той, что заплатил я!) Я Вам просто дивлюсь – как это Вам самому не ясно, что такие Ваши действия – не что иное как плевок в собственную тарелку? Уж если Вы не смогли пошить моих сапог к сроку, взяли бы да честно сообщили мне об этом, вернув деньги – и мы оба избавились бы от многих ненужных усилий. Смотрите – сегодня уже двадцатое, и, если Вы уповаете на то, что все сроки уже прошли и можно спокойно продолжать волокиту, то мне придется Вас разочаровать: я тоже не лыком шит, и весьма предусмотрительным образом (“из соображений безопасности”, так сказать), несколько поторопил события – на самом деле торжество состоится 26 ноября, то есть еще через целых четыре недели! Так что времени у нас с Вами больше чем достаточно! И если Вы *заведомо* не способны сделать так, чтобы 10 ноября сапоги оказались у меня, то знайте, что мой заказ тем самым будет *окончательно и бесповоротно* аннулирован, и будьте любезны *немедленно* вернуть мне всю уплаченную сумму на нижеследующий счет! Мне было бы чрезвычайно неудобно беспокоить моих швейцарских друзей (которые, между прочим, живут в одном городе с Вами, да к тому же пользуются определенным влиянием), чтобы урегулировать юридический аспект нашего вопроса, однако в случае, если Вы не удовлетворите вовремя моим требованиям, мне придется прибегнуть к этой крайней мере. И, поскольку я уже и в самом деле утрачиваю ту самую веру в человека, о которой я перед Вами так долго распинался, – веры в силу закона никто меня не лишит. Вы уж простите мне этот довольно резкий тон, но поймите – волею обстоятельств мое терпение уже на исходе. В надежде, что наше дело найдет достойное разрешение, и в некотором удивлении

Ваш...

10 ноября 19... г.

Дружище,

Нет, вы явно уникам! Я ведь доподлинно сообщил Вам, что у меня имеется определенный круг знакомств в Цюрихе и что я ниспошлю на Вашу голову финансовую инспекцию, если Вы не ответите мне в приемлемые сроки должным образом, а вы – молчок! Чудак человек, представляете ли Вы себе тот неимоверный ущерб, который грозит Вам из-за Вашей безалаберности! Можете не сомневаться, я этого так не оставлю, и суд, которого, судя по всему, Вы просто жаждете, явится только первым звеном в цепи всего, что Вас ждет! Вы хоть подумайте, какую “рекламу” я Вам устрою в газетах – причем не только в наших, на которые Вы, за незначительностью местного рынка сбыта, плевать хотели, – но и в иностранных! И что скажет о Ваших манерах ремесленная палата? Я по сей день не могу поверить, – хотя все прочие объяснения кажутся мне еще более невероятными – что Вы, по своей наивности, ставите эти презренные копейки, которые Вы стяжаете, дурача своих клиентов из краев, называемых Вами “умозрительными”, выше, нежели собственную репутацию, которую Вы подобными действиями подвергаете столь нелегким испытаниям. Вы что, не соображаете, что я одной-единственной статьей в “Neues Tages Zeitungen” (где у меня тоже есть своя рука) могу Вас скомпрометировать на веки вечные? Вы – ни много ни мало – чудо природы! Порой мне даже приходит на ум – не извольте обижаться, но Вы действительно ввергаете меня в изумление, – что Вы обуреваемы какой-то формой сумасшествия, что Вам это “изготовление сапог для людей, которых нет,” так втемяшилось в голову, что Вы, должно быть, начисто лишились рассудка! Пожалуй, Вы и в самом деле меня “вдохновляете”! Я прямо-таки вижу, как Вы, сумасшедший сапожник, сидите в полумраке Вашей мастерской, читаете при свете мерцающей лампадки ожесточенные письма фантомов – “людей, которых нет”... и при этом разражаетесь хохотом – или, может быть, забираетесь под одеяло, клацая зубами от страха – кто Вас знает... (Если Вы хотите, то, готов признать на месте, мои письма являются для Вас источником самого раскатистого смеха; мне и самому стоило бы посмеяться вместе с Вами, вспомнив только, какое количество

добродушия и терпения в них вложено). Однако же в действительности, которая значительно менее фантастична и скорее банальна (а ее апофеоз находится на банковских счетах), все иначе, и то, что я говорил о публикации, Вам следует всерьез принять к сведению. Как бы там ни было – это мое последнее письмо *непосредственно* в Ваш адрес; тем самым я даю Вам еще один – и *безусловно последний* – шанс. Если я в десятидневный срок не дождусь от Вас ответа – либо в виде сапог, либо в виде банковского перевода – пеняйте на себя. Может быть, ваши фантомы и прозрачны, но стены в городской тюрьме – отнюдь не прозрачны.

Всего наилучшего
Вам (все еще) желает
Ваш...

27 ноября 19... г.

Недостижимый!

Вот и прошла Торжественная Ассамблея (не далее как вчера), а меня там не было. Вы слышите – “меня не было!” Вы довольны? Ах, какое это бездуховное, примитивное, скудное удовольствие! Значит, у Вас, у бедняги, за душой ничего-то и нет. Вы не собираетесь присылать ни сапог, ни денег. Что ж, я от этого не обнищаю. Это скорее Вы оскудели бы, пожертвовав хоть чем-то. А мне все – трын-трава, я имею в виду эти дурацкие сапоги, которых Вы мне так и не прислали, и, говоря о том, что меня *там* не было, я не имею в виду, что я вынужден был остаться дома из-за этой скрипучей дряни, о нет, – мне помешал грипп. Слышите – грипп! Ха-ха! Я сейчас пытаюсь нарисовать себе (я все еще лежу) такую картину: сапоги прибыли – а у меня грипп! Сапоги с еще не вынутыми картонками красуются в прихожей, отливая “сиенским красным”, и предвкушают, как я их надену и выведу на Торжественную Ассамблею – а я в постели. И вот я кричу лакею: “Сапоги! Подать сюда сапоги!”. Надеваю их и расхаживаю туда-сюда по комнате, у меня жар, я устремляюсь к окну. И воспаление легких тут как тут! Этого еще не хватало! Так что премного Вам благодарен, что Вы придержали сапоги у себя – да я бы их не надел, будь я даже здоров, как бык, знайте же! Они стали

мне слишком тяжелы – за эти месяцы на них налипло чересчур много нашей с Вами грязи! Еще раз говорю Вам: все это меня совершенно не удручает, и я мог бы даже находить в этом своеобразное развлечение, когда бы Вас хватило на какой-то минимум оригинальности и циничного достоинства, когда бы Вы мне так прямо и написали: “Не видать тебе твоих сапог, и точка!” Или же: “Я мог бы послать Вам сапоги, а не пошлю. Вот назло не пошлю!” Или: “Я пришлю их сразу после того как получу от Вас расписку в том, что Вы утратили веру в людей”. Или “Хотел послать Вам сапоги, но не могу – душа моя хохочет!” И так далее и тому подобное – тысячи разных вариантов. Это была бы некоторая “высшая” корректность в некорректности, благодаря которой Вы сохранили бы в моих глазах хоть крупицу чести и достоинства (да я и сам принял бы Вашу сторону как Ваш верный союзник и наперсник!)... *А вы лезете под стол и делаете вид, что Вас нет в комнате!* Боже, как это мерзопакостно! Как это омерзительно и как смешно! Как мерзко и как мучительно! О, это гниение духа! Дух сгнил – остался человеческий дух! И это одно и то же, этот душок, от которого я спешу укрыться в уборной, где меня выворачивает, этот гнилостный дух, который меня окутывает с тех пор как я имею дело с Вами, мерзавец! Смерд, непереносимый смерд! Именно он дает мне знать, что я действительно существую. Человеческая комедия, от которой меня бросает в дрожь. Видите, я называю это комедией. Я мог бы Вам объяснить, в чем она заключается, но Вы не поймете. Посему нет смысла объяснять. Что же касается бремени вины, которым я стращал Вас в одном из моих писем (в связи с убиенной верой в ближнего) – пусть это Вас не тревожит: из-за одного такого сукина сына, как Вы, я и не подумаю отказаться от своей веры. И прежде всего потому, что я от этой веры избавился гораздо раньше, оставив себе лишь уверенность – уверенность в этом удушливом смерде. А если говорить о судах и прочем – и тут Вы можете спать спокойно: я не собираюсь во имя каких-то паршивых денег пачкать руки о бумаги, на которых будет значиться Ваше имя. То же относится и к обещанному компромату в газете – не дождетесь. Так что можете совершенно успокоиться и почивать на моих франках. Прислушайтесь только к своей душе, когда отсмеетесь (то-то будет потеха!). Или не прислушивайтесь, что Вам до нее! лучше не

прислушивайтесь, а то качество Ваших достославных сапог стремительно и необратимо испортится! Ну, вот и все. В приложении посылаю Вам еще одну купюру достоинством в пять франков: купите себе сарделек и пива – и счастья Вам впридачу! А если черт Вас дернет однажды вернуть мне мои деньги, то знайте: я сменил номер счета, впрочем, я бы и не принял этих Ваших денег ни при каких условиях: живите на них, покуда живется, а когда станет невмочь – как хотите!.. Дорог не счастье, и каждая достойна, чтобы на ней раздался горький смех!

Ваш...

22 декабря 19... г.

Незабвенный,

Позвольте пожелать Вам веселого Рождества! Я сейчас в Цюрихе! Не бойтесь: я Вам ничего плохого не сделаю. Я прибыл сюда по делам (теперь дела будут весьма часто приводить меня в этот почтенный город). Кстати, та моя поэма завершается следующим образом:

*И ныне сумасшедший тот баимачник
для ног ничейных день и ночь тачает
десятки, сотни, тысячи сапог –
они бредут по улицам, заходят
в дома, конторы, шарят по углам,
ища ступни чиновника младого,
что на семь футов скрыты под землей...*

Ну что ж, может статься, однажды я зайду в Вашу мастерскую (вчера я разглядывал ее снаружи, из окна трамвая – а что, вывеска смотрится очень даже подходяще!). Так что будьте бдительны, снимая мерки со своих клиентов: если попадется какой-нибудь тип с симметричными ступнями – это могу оказаться и я... Или еще чей-нибудь дух, ха-ха...

Навеки Ваш...

Переводчик: Ж.Гилёва